jemotivnoj kompetencii kommunikativnoj lichnosti // Chelovek v kommunikacii: ot kategorizacii jemocij k jemotivnoj lingvistike: sb. nauch. tr., posvjashh. 75-letiju prof. V.I. Shahovskogo. Volgograd: Volgogr. nauch. izd-vo, 2013. S. 13–20.

8. Kolosova (Solodovnikova) N.G. Jekologicheskaja funkcija jemocij // Grani poznanija: jelektron. nauch.-obrazovat. zhurn. VGSPU. 2015. № 1(35). S. 22–28. URL: http://www.grani.vspu.ru.

9. Nacional'naja promyshlenno-jekologicheskaja palata. URL: http:// promecopalata.ru (data obrashhenija: 05.01.2016).

10. Podol'skaja O. Nado li byt' pozitivnym chelovekom. URL: http:// lady.mail.ru/article/485776-nado-li-byt-pozitivnym-chelovekom/ (data obrashhenija: 05.01.2016).

11. Svaab D. My – jeto nash mozg. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2013.

12. Svaab D. Mozg diktuet vam vashi reshenija. Belaja studija. Rossija K. URL: http:// www.youtube.com/watch?v=xsM2C4aLen8&list=PLwkiTN_gSFu0AfCOfMl5Tk-2xGzMiwl8i (data obrashhenija: 14.12.2013).

13. Sel'e G.Stress bez distressa. URL: http:// ModernLib.ru›books/sele_gans/stress_bez_distressa… (data obrashhenija: 05.01.2016).

14. Cherezova L.B. Teorija i metodika jekologicheskogo obrazovanija detej. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2010.

15. Shahovskij V.I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Izd-vo LKI, 2008.

16. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaja teorija jemocij. M.: Gnozis, 2008.

17. Shahovskij V.I., Kolosova (Solodovnikova) N.G. Lingvojekologija: ob#ekt, predmet i zadachi // Russkij jazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze. 2010. № 1 (31). S. 22–29.

18. Jekologija cheloveka. URL: http:// ekochel.ch (data obrashhenija: 05.01.2016).

Ecology of the communicative style "homo sentiens" (based on the advertising texts by SPLAT)

There is regarded the issue of the emotions ecology and the question of the possibility of ecologization of the communicative style "homo sentiens" through the formation of the ecological emotive competence and development of the inner ecological censor.

Key words: *emotions ecology, ecology of communication, ecologization, ecological emotive competence, inner ecological censor.*

(Статья поступила в редакцию 04.02.2016)

А.А. ДЬЯКОВА
(Волгоград)

УСЛОЖНЕНИЕ ТЕКСТА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Определяется понятие «усложнение текста», рассматриваются преобразования формы и содержания текста при его вторичной репрезентации в меняющихся условиях коммуникации, выявляются признаки, свидетельствующие об усложнении поверхностной и содержательной структур текста.

Ключевые слова: *усложнение текста, поверхностная структура текста, содержательная структура текста, вторичная репрезентация, вторичная категоризация, вторичная концептуализация.*

В настоящее время в науке о языке уже не оспаривается тот факт, что с момента своего создания текст как феномен, дискурсивно обусловленный, не остается неизменным, застывшим в своем изначальном виде. Бытование текста в речевой практике носителей языка приводит к появлению все новых и новых его вариантов. В результате воспроизведения исходного текста в постоянно меняющихся условиях общения возникает множество вторичных текстов, характеризующихся по отношению к нему производностью и приблизительностью [5–7; 14 и др.]. Преобразования затрагивают не только форму, но и содержание исходного текста. Их исследование является значимым для понимания процесса вторичной текстовой деятельности и оценки ее результатов. Одним из таких результатов может стать усложнение исходного текста, которое, однако, не всегда осознается носителями языка благодаря функциональным характеристикам вторичного текста: удобству использования в данной коммуникативной ситуации, привычному стилю изложения и т.д.

Понятие «усложнение текста» активно применяется в научном (особенно научно-учебном) дискурсе, не подвергаясь, однако, специальному толкованию. Оно не представлено в лингвистических словарях и справочниках, а в научной литературе используется как заведомо понятное адресату, который, как и любой носитель языка, должен осознавать, что́ такое усложнение применительно к

© Дьякова А.А., 2016

разным объектам, а не только к тексту. Обратившись к толковому словарю, устанавливаем, что усложнение – это действие по значению глагола «усложнить»; усложнить, в свою очередь, значит: 1) сделать более сложным по строению, форме, характеру составляющих частей; 2) сделать более трудным, требующим бо́льших усилий для осуществления, исполнения, понимания и т.п.; 3) сделать более напряженным, затруднительным [24, с. 519].

На основе данных определений можно сделать следующие выводы. Во-первых, усложнение – характеристика объекта, получаемая в результате анализа изменений его свойств в более поздний период бытования по сравнению с более ранним периодом. Таким образом, для того, чтобы судить об усложнении текста, необходим сопоставительный анализ двух вариантов текста – первичного, или исходного, и вторичного. Во-вторых, исходя из трех приведенных выше значений глагола «усложнить», усложнение текста означает придание ему такого качества, как сложность, либо повышение уровня сложности исходного варианта текста по следующим параметрам: 1) структура текста; 2) его понятность для адресата; 3) наличие / отсутствие психологической напряженности при восприятии текста. В первом случае сложность текста может рассматриваться в структурно-семантическом аспекте, во втором – в когнитивном, психолингвистическом, герменевтическом, прагматическом аспектах, в третьем – в лингвосоциопсихологическом, лингвоэкологическом, эмотивном аспектах.

Один из ведущих специалистов в области сложных систем У. Эшби указал на то, что сложность объектов имеет объективную и субъективную характеристики. Субъективная характеристика сложности объекта связана с теоретической или практической деятельностью по овладению им, а именно: с трудностью решаемых задач по его конструированию, преобразованию и т.д. Объективная характеристика сложности системы зависит от качественных и количественных различий компонентов и связей системы, т. е. от ее качественного и количественного разнообразия [29]. Для более четкой дифференциации во многих научных работах объективная характеристика называется сложностью, а субъективная – трудностью [2; 15; 20; 28 и мн. др.].

Применительно к вербальному тексту сложность – категория тоже относительная, она может измеряться объективно и субъективно. В гносеологическом аспекте (субъективная характеристика сложности) она связана с деятельностью по его порождению и усвоению его содержания, сложность текста в онтологическом аспекте (объективная характеристика сложности) определяется его семантической плотностью, т.е. количеством информации на единицу текста [10]. Субъективная сложность текста – характеристика, актуальная при рассмотрении усложнения текста в соответствии с параметрами «понятность текста для его адресата» и «наличие / отсутствие психологической напряженности при восприятии текста», она обусловлена разнообразными функциональными, прагматическими, дискурсивными факторами (канал и условия коммуникации, интенции адресанта, компетенция адресата, привычки и предпочтения коммуникантов, руководство чувствами / разумом, интерес, удобство / неудобство использования текста и т.д.); объективная характеристика сложности текста предполагает исследование его структуры. Осознавая взаимосвязь всех указанных аспектов, в данной статье мы сосредоточим внимание на рассмотрении параметра «усложнение структуры текста».

Понятие структуры – одно из основополагающих в науке о языке, поскольку характеризует важнейший признак языковой системы и применяется для описания всех «сложных смысловых единиц» (Т.В. Матвеева), в том числе «укрупненных» (А.М. Пешковский), каковыми являются тексты. Структурность признается одним из универсальных системных качеств текста [23]; некоторые исследователи утверждают, что структурность обобщает все основные признаки текста [9], однако такое мнение не является общепринятым.

Под структурой текста понимаются «взаимосвязь и взаимная обусловленность различных элементов многоуровневой системы текста» [4, с. 219]. Если принимать во внимание семиотическую природу текста, то, будучи «полным знаком» (А.Г. Баранов), он служит единицей высшего языкового яруса, а его структура является наиболее сложной, поскольку включает в себя знаки низшего ранга. Однако сложность текстовой организации обусловлена не только отношениями между единицами разных языковых ярусов, как это представлено в работах А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, К. Бринкера, Р. Харвега и других представителей структурного (грамматического) подхода к тексту. Смеще-

ние внимания ученых от системы языка к речевой деятельности в 1980-х гг. выявило множество новых граней текста как объекта исследования и позволило установить, что структура текста представляет собой целую сеть разнообразных (лексических, грамматических, логических, ассоциативно-семантических, композиционных, тематических и т.д.) связей между элементами; по сути, это макроструктура, включающая в себя сложную иерархию внутритекстовых отношений.

Для того чтобы охарактеризовать структуру текста, исследователи применяют самые разные определения. Представители генеративной лингвистики (Н. Хомский, М. Халле, М. Бирвиш и др.) предложили различать поверхностную и глубинную структуры текста: глубинная структура – это абстрактное синтаксическое построение, которое показывает смысловую близость ряда предложений, содержащих одни и те же лексические единицы и отличающихся друг от друга лишь некоторыми грамматическими значениями, в то время как поверхностная структура – это конкретное описание синтаксического устройства каждого предложения. Названные структуры тесно связаны: глубинная структура воплощается в поверхностной вследствие действия специальных правил перестройки, или трансформаций [21; 22].

В 1970-х гг. дискуссионное понятие глубинной структуры переосмысливается в рамках нового направления науки о языке – лингвистики текста, в результате чего возникает понятие семантической структуры, объединившее семантический и синтаксический аспекты и активно используемое в современных исследованиях (И.В. Арнольд, Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн, А.Г. Романов и др.). При этом понятие глубинной структуры текста продолжает существовать, однако получает более широкое толкование. В структурной семантике (А.Ж. Греймас, К. Бремон, Р. Барт и др.) глубинная структура трактуется как фундаментальная система ценностей, встроенная в текст и состоящая из норм, ценностей и установок специфических социальных систем [25, с. 177]. В теории перевода, где чрезвычайно важно сохранить максимальное соответствие оригинальному тексту при его воспроизведении на другом языке, глубинная структура понимается как способ отбора и организации языковых средств, позволяющий интерпретировать их значения относительно друг друга и относительно обозначаемой ими реальности, и рассматривается в качестве одного из измерений содержательной структуры текста (процесс построения речевых высказываний и включения их в текст) наряду с двумя другими измерениями – вертикальным (формально-тематическое содержание, начиная с общего замысла, или темы текста, которая развертывается во все более мелких фрагментах текста: подтемах, субподтемах, микротемах) и горизонтальным (формальные и смысловые связи между высказываниями, т. е. когезия и когерентность, тема-рематическая структура текста) [16]. При исследовании законов текстопостроения в теории текста глубинная структура отождествляется с семантической структурой [18]. При любом подходе (отождествление с глубинной структурой или рассмотрение глубинной структуры в качестве одного из аспектов) семантическая структура текста исследуется в корреляции с поверхностной структурой текста.

Наряду с термином «семантическая структура текста» исследователи используют термины «содержательная структура текста» (А.И. Новиков, И.Р. Гальперин, В.Н. Комиссаров и др.) и «смысловая структура текста» (Н.С. Болотнова, Т.М. Дридзе и др.), как правило, в качестве синонимичных, реже – разграничивая их путем актуализации каких-либо аспектов изучения текста. Так, в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» эти термины различаются следующим образом: семантическая структура текста связана с его знаковым характером, содержательная структура – с кодированием заключенной в нем информации, смысловая структура – с декодированием информации и восприятием текста как целого [1]. И.Р. Гальперин, дифференцируя понятия «семантика», «содержание» и «смысл» для определения структуры текста, использует другой критерий – тип языковой единицы (образования): термин «значение» применяется по отношению к номинативным единицам (словоформам, словосочетаниям), термин «смысл» – по отношению к коммуникативным единицам (предложениям, сложным синтаксическим целым), а термин «содержание» – по отношению к текстовым образованиям [8, с. 20–21]. Безусловно, перечень критериев для разграничения понятий семантической, смысловой и содержательной структур не ограничивается приведенными примерами, он остается открытым, свидетельствуя о том, что единого критерия на данный момент не существует. Не ставя перед собой задачу поис-

ка дифференцирующего критерия как способа преодоления терминологической неупорядоченности, в рамках данной статьи для удобства мы будем использовать термин «содержательная структура текста».

Итак, в современной лингвистике текста положение о многомерности структуры текста, включенности в нее как формальных, так и содержательных категорий является основополагающим, поэтому для рассмотрения усложнения текста в структурно-семантическом аспекте нам необходимо выявить маркеры усложнения поверхностной и содержательной структур текста при его вторичном представлении. Иными словами, мы должны определить показатели повышения уровня сложности исходного варианта текста при вторичной репрезентации его формы и содержания (под вторичной репрезентацией понимается языковое представление известного концептуального содержания в косвенной форме, т. е. за счет использования иных языковых средств [3, с. 79]).

Форма и содержание текста взаимосвязаны: форма дает читающему основания для любых выводов о текстовом содержании; в свою очередь, деятельность по усвоению этого содержания связана с субъективной оценкой сложности текста, которая начинается с восприятия формы. В отношении формы объективная и субъективная характеристики простоты / сложности текста совпадают: субъективно как более сложный носителями языка оценивается текст большего объема, состоящий из распространенных, сложносочиненных, сложноподчиненных предложений, включающий вводные конструкции, причастные и деепричастные обороты, т. е. синтаксические структуры, называемые развернутыми; объективно с точки зрения формы такой текст сложнее потому, что содержит большее количество языковых единиц, т. е. большее число разнообразных элементов (по У. Эшби).

Однако при соотнесении уровней сложности формы и содержания текста может наблюдаться несовпадение. На основе экспериментальных данных показано, что при вторичной репрезентации текста для адресата, менее осведомленного, чем сам автор, более активно используются развернутые синтаксические конструкции; и наоборот, в тех случаях, когда текст адресуется читателю высокой степени осведомленности, в нем превалируют свернутые структуры [13]. В данном случае объективная и субъективная характеристики простоты / сложности текста не совпадают: как уже было сказано, текст с преобладанием развернутых структур с точки зрения формы признается сложным (как объективно, так и субъективно), в то время как с точки зрения содержания он является простым, поскольку имеет меньшую семантическую плотность (объективная характеристика). Аналогичным образом текст с преобладанием свернутых структур является простым с точки зрения формы (как объективно, так и субъективно) и сложным с точки зрения содержания, поскольку имеет большую семантическую плотность (объективная характеристика).

В данном положении на первый взгляд можно усмотреть противоречие, однако оно кажущееся: предназначенный для восприятия менее осведомленным читателем текст, как правило, популяризируется, в том числе путем снижения семантической плотности благодаря использованию развернутых синтаксических конструкций. По нашему мнению, удачной иллюстрацией этому служат следующие слова Д.И. Писарева: «…популярное изложение не допускает в течении мыслей той быстроты, которая совершенно уместна в чисто научном труде… В популярном сочинении каждая отдельная мысль должна быть развита подробно, так, чтобы ум читателя успел прочно утвердиться в ней, прежде чем он пустится в дальнейший путь…» (Писарев Д.И. Цит. по: [19, с. 74]). Восприятие развернутых синтаксических конструкций, передающих тот же объем информации, занимает у читателя немного больше времени, благодаря чему становится менее напряженным. Оно экономит усилия адресата, которые потребовались бы для самостоятельного развертывания им того же текстового содержания, но представленного в поверхностной структуре текста в свернутом виде. Приведем простой пример – сопоставим две пары синтаксических конструкций: *Вошедший поздоровался* (свернутая конструкция) и *Человек, вошедший в комнату, поздоровался* (развернутая конструкция); *Заяц полем – и в лес* (свернутая конструкция) и *Заяц пробежал полем и скрылся в лесу* (развернутая конструкция). Как видим, в данных парах свернутые конструкции передают то же содержание, однако требуют мысленного «достраивания» недостающих элементов.

Итак, показателем усложнения поверхностной структуры текста является повышение процента развернутых конструкций по сравнению с исходным вариантом. Трансфор-

мации формы при вторичной репрезентации текста, как правило, затрагивают фрагменты, включающие не одно, а несколько предложений. Однако принцип представления содержания текста в его поверхностной структуре с помощью свернутых / развернутых конструкций не меняется. Как указывают Л.Н. Мурзин и А.С. Штерн, развертывание текста осуществляется за счет рематизации предложения, т. е. присоединения компонентов, несущих новую информацию, к уже реализованной части текста; свертывание же теснейшим образом связано с темой. Развертывается то, что представляется актуальным в данный момент, информационно важным, а свертывается то, что перестало быть актуальным. В процессе текстообразования все тематизированные компоненты могут «исчезать», оставляя или не оставляя следов в тексте и памяти коммуникантов. По закону свертывания при преобразовании текста его вербализованное выражение замещается более кратким по объему, вплоть до нулевого. Всякое свернутое выражение отличается от соответствующего несвернутого способом обозначения объекта: оно не описывает, а лишь указывает на объект, отсылая к несвернутому как его описанию [18, с. 32–33].

В случаях, когда при воспроизведении текста происходит его сокращение, можно говорить о редуцировании, которое, как подчеркивает В.А. Кох, представляет собой обычное явление языковой практики. Ученый выделяет следующие типы редуцирования: избирательное, перечисляющее, свертывающее, суммирующее (обобщение). Приведем краткие описания этих типов из работы [17], проиллюстрировав их примерами вторичных вариантов представления текстов проектных документов из «Сборника разъяснений требований стандартов системы проектной документации для строительства» (далее – «Сборник…») (URL: http://www.docstroika.ru/textstroika/stroika_13701.htm):

1. Избирательное редуцирование применяется, если одно из предложений представляется более важным, чем другие: «*Текст с соответствующим требованием к размещению сквозной нумерации не изменился. И в стандарте 1997 г. (п. 9.3), и в стандарте 2009 г. (п. 8.5) написано, что номер “указывают в правом верхнем углу рабочего поля листа“*». В исходном тексте содержится целый ряд требований к оформлению сброшюрованной документации, однако в «Сборнике…» приводится только одно из них, что обусловлено коммуникативной установкой автора – дать ответ на конкретный вопрос.

2. Перечисляющее редуцирование применяется, если предложения не имеют общей темы: *«9. Просим кратко изложить общий порядок оформления проектных документов.*

Стандартами СПДС определен общий порядок оформления проектных документов, согласно которому при оформлении и комплектовании документации следует руководствоваться следующими правилами:

– Проектную документацию комплектуют в тома, как правило, по отдельным разделам, установленным Постановлением Правительства N 87.

– И текстовая, и графическая части разделов являются документами, которые должны иметь самостоятельные обозначения. Графическая часть не является приложением к текстовой части. ‹…› ».

3. Свертывающее редуцирование применяется, если два или более предложения могут быть слиты в одно: «*Все это означает, что проектной организации дана почти полная свобода в выборе системы обозначения текстовых и графических документов – как базового обозначения, так и части обозначений, касающихся документов конкретных разделов*».

4. Суммирующее редуцирование применяется, если мотив двух или более предложений может быть сформулирован в единицах дискурсивных выражений. Например, на вопрос о допустимости неких изменений при оформлении таблиц ответом в «Сборнике…» стало предельно краткое «*Не допускается*», обобщающее четыре подпункта п. 7.1.3.15 ГОСТ Р 21.1101-2009 – исходного текста, определяющего порядок оформления упоминаемых в вопросе таблиц.

Помимо сокращения текста путем редуцирования, нередким случаем вторичной репрезентации текстовой формы является внесение новых фрагментов, отсутствующих в исходном тексте и содержащих дополнительную информацию. К примеру, в исходном тексте ГОСТ Р 21.1001-2009 приведено определение термина «проектная документация», в котором указано, что это «совокупность текстовых и графических проектных документов», имеющих ряд признаков. При вторичном представлении этого текста в «Сборнике…» добавляется фрагмент с пояснением о том, что считать текстовым документом: «*Текстовые документы подразделяют на оформляемые в виде та-*

блиц и содержащие, в основном, текст. К первым относятся спецификации и ведомости, оформляемые как самостоятельные документы (спецификация оборудования, изделий и материалов, состав проектной документации и др.). ‹…› К текстовым документам не относятся текстовые формы (спецификации, экспликации, ведомости, таблицы, общие указания и др.), помещаемые на листе общих данных или на чертежах».

Рассмотренные преобразования текстовой формы, как правило, связаны с преобразованиями его содержательной структуры. Для определения характера изменения содержательной структуры текста в соответствии с новыми условиями коммуникации необходимо учитывать действие двух механизмов вторичного текстообразования: вторичной категоризации, т. е. способа упорядочения имеющейся информации на разных уровнях шкалы «конкретное – абстрактное», и вторичной концептуализации информации – процесс познавательной деятельности человека, состоящий в переосмыслении информации в соответствии с новой коммуникативной ситуацией [14].

При вторичной категоризации текстового содержания происходит изменение (повышение или понижение) категориального статуса текстообразующих концептов – «узловых точек», «организаторов» и «координаторов» текстового пространства, способных образовывать вокруг себя локальные минипространства, «стягивая» таким образом пространство целого и поддерживая его в состоянии устойчивого равновесия [5, с. 153–154]. Репрезентантами текстообразующих концептов выступают ключевые слова текста. По утверждению Н.И. Жинкина, «следуя по этим фиксированным сигналам, можно заново восстановить текст» [11, с. 364]. В процессе категоризации между концептами, согласно классификации Р.М. Фрумкиной, возникают следующие отношения: член категории – категория, мыслимая как целое (*стол – мебель*) – наиболее важное в процессах свертывания / развертывания информации отношение, лежащее в основе операции обобщения; единица – множество (*колос – сноп*); часть – целое (*палец – рука*); взаимосвязь по функции (*ключ – замок*); членство в паре (*день* и *ночь* составляют *сутки*); отношения между частями одного целого (*плечо, предплечье, запястье, кисть, пальцы* соотносятся между собой как части *руки*) [26, с. 62]. Эти отношения выражаются в лексических заменах по линиям «род – вид», «конкретное – абстрактное», «единица – множество», «часть – целое» и выявляются при анализе ключевых слов текста.

Анализ текстового материала показывает, что при вторичном воспроизведении текстов чаще наблюдается повышение уровня категоризации информации за счет использования в адаптированном тексте более обобщенных, чем в исходном, понятий, что проявляется в замене гипонимов гиперонимами, конкретных существительных – абстрактными, единичных существительных – собирательными и существительных, обозначающих часть предмета, – существительными, обозначающими предмет в целом. Такие понятия сложнее в гносеологическом аспекте, поскольку абстрактное мышление является более сложной формой мышления, чем конкретное [12; 26 и др.]. Однако эти понятия проще в онтологическом аспекте, поскольку указывают только на общие свойства объектов какой-либо категории и не содержат указания на их специфические свойства. Таким образом, при вторичной категоризации об усложнении текста в структурно-семантическом аспекте свидетельствуют замены гиперонимов гипонимами, абстрактных существительных – конкретными, собирательных существительных – единичными, существительных, обозначающих предмет в целом, – существительными, обозначающими часть предмета.

При вторичной концептуализации содержания текста первоначальный способ представления информации (понятийный, образный или оценочный) может быть заменен либо дополнен другим. Судить об усложнении содержательной структуры текста при замене одного способа другим не представляется возможным, поскольку в основе каждого из них – разные типы работы мышления, в то время как замена одного способа концептуализации информации сочетанием различных способов служит признаком усложнения текста, поскольку комплексность является результатом синтезирующего мышления, которое, в соответствии с универсальным законом синтеза информации, «имеет направленность в сторону усложнения смысла и информации» [27]. Подобное усложнение содержательной структуры текста является объективным, однако субъективно такой текст чаще всего бывает проще оригинала, поскольку в нем часто присутствуют разъяснения, иллюстрирование примерами, в том числе с помощью создания

образа, вызова ассоциаций, а иногда даже иронии – как, например, при вторичной репрезентации текста закона «О трудовых пенсиях в РФ»: «*Страховая часть пенсии по старости определяется так: берется расчетный пенсионный капитал, который накопился на вашем лицевом счете в Пенсионном фонде на день оформления пенсии, и делится на время дожития, т. е. то время, в течение которого государство рассчитывает, что не позднее этого срока вы уйдете в мир иной и освободите его от обязанности вас содержать. В результате такого деления и получается ежемесячный размер страховой части пенсии. И нужно сказать, что после проводов на пенсию нам отводится на сытую и беззаботную жизнь не так уж мало времени – целых 19 лет. Правда, такой долгий срок нам отпустят только в 2013 году, а с 1 января 2002 г. срок дожития установлен в 14 лет и он будет ежегодно увеличиваться. Не пугайтесь! Этот срок применяется только для расчета пенсии. Если после выхода на пенсию вы проживете дольше, то вас не оставят без куска хлеба и будут платить вам пенсию по старости столько, сколько потребуется»* (URL: http://www.jurpom.ru/pensii.html).

Подводя итог всему вышесказанному, обобщим признаки, свидетельствующие, по нашему мнению, об усложнении текста в структурно-семантическом аспекте: 1) при характеристике изменений поверхностной структуры – увеличение процента развернутых конструкций во вторичном варианте текста; 2) при описании содержательной структуры – а) понижение категориального статуса текстообразующих концептов в результате замен гиперонимов гипонимами, абстрактных существительных – конкретными, собирательных существительных – единичными, существительных, обозначающих предмет в целом, – существительными, обозначающими часть предмета; б) замена одного способа концептуализации содержания в исходном варианте текста сочетанием различных способов концептуализации в его вторичном варианте.

Список литературы

1. Баженова Е.А., Котюрова М.П. Смысловая структура, или смысл, текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003.
2. Бирюков В.В., Тюхтин В.С. О понятии сложности // Логика и методология наук. М.: Мысль, 1967. С. 218–225.
3. Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знания в языке // Филол. науки. 2001. № 4. С. 79–86.
4. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009.
5. Борисова С.А. Пространство. Человек. Текст. Ульяновск: УлГУ, 2003.
6. Вейзе А.А. Теория и практика порождения вторичных текстов в курсе вузовского обучения иностранным языкам: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Минск, 1993.
7. Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2000.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
9. Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. М.: АСТ; Астрель, 2006.
10. Дьякова А.А. Когнитивные механизмы адаптации в текстовой коммуникации // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2008. № 1. С. 50–57.
11. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1958.
12. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000.
13. Затонская А.С. Объективный прагмалингвистический эксперимент (на материале философской работы Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности») // Филологический вестник Рост. гос. ун-та. 2004. № 3. С. 33–37.
14. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2006.
15. Комарова Е.Ю. Субъективная трудность и объективная сложность языкового тестирования // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 3 (95). С. 105–109.
16. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002.
17. Кох В.А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / общ. ред. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 149–171.
18. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Сведловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.
19. Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: КомКнига, 2006.
20. Рыженко Н.Г. Сложность и трудность структуры решения текстовой задачи // Вестник Омск. гос. пед. ун-та. Вып. 2006. URL: www.omsk.edu.
21. Саввина Е.Н. Глубинная структура // ЛЭС / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. URL: http://tapemark.narod.ru/les/110a.html.
22. Саввина Е.Н. Поверхностная структура // ЛЭС / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. URL: http://tapemark.narod.ru/les/379b.html.

23. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987.

24. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1999. Т. 4.

25. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный Центр, 2009.

26. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Академия, 2007.

27. Хазен А.М. Интеллект как иерархия синтеза информации // Новости искусственного интеллекта. 1994. № 1. С. 71–98.

28. Цетлин В.С. Доступность и трудность в обучении. М.: Знание, 1984. 79 с.

29. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

* * *

1. Bazhenova E.A., Kotjurova M.P. Smyslovaja struktura, ili smysl, teksta // Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka / pod red. M.N. Kozhinoj. M.: Flinta: Nauka, 2003.

2. Birjukov V.V., Tjuhtin V.S. O ponjatii slozhnosti // Logika i metodologija nauk. M.: Mysl', 1967. S. 218–225.

3. Boldyrev N.N., Babina L.V. Vtorichnaja reprezentacija kak osobyj tip predstavlenija znanija v jazyke // Filol. nauki. 2001. № 4. S. 79–86.

4. Bolotnova N.S. Kommunikativnaja stilistika teksta: slovar'-tezaurus. M.: Flinta: Nauka, 2009.

5. Borisova S.A. Prostranstvo. Chelovek. Tekst. Ul'janovsk: UlGU, 2003.

6. Vejze A.A. Teorija i praktika porozhdenija vtorichnyh tekstov v kurse vuzovskogo obuchenija inostrannym jazykam: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. Minsk, 1993.

7. Verbickaja M.V. Teorija vtorichnyh tekstov: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. M., 2000.

8. Gal'perin I.R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija. M.: Nauka, 1981.

9. Gorshkov A.I. Russkaja stilistika. Stilistika teksta i funkcional'naja stilistika. M.: AST; Astrel', 2006.

10. D'jakova A.A. Kognitivnye mehanizmy adaptacii v tekstovoj kommunikacii // Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2: Jazykoznanie. 2008. № 1. S. 50–57.

11. Zhinkin N.I. Mehanizmy rechi. M.: Akad. ped. nauk RSFSR, 1958.

12. Zalevskaja A.A. Vvedenie v psiholingvistiku. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2000.

13. Zatonskaja A.S. Ob#ektivnyj pragmalingvisticheskij jeksperiment (na materiale filosofskoj raboty L. Shestova «Apofeoz bespochvennosti») // Filologicheskij vestnik Rost. gos. un-ta. 2004. № 3. S. 33–37.

14. Ionova S.V. Approksimacija soderzhanija vtorichnyh tekstov: dis. … d-ra filol. nauk. Volgograd, 2006.

15. Komarova E.Ju. Sub#ektivnaja trudnost' i ob#ektivnaja slozhnost' jazykovogo testirovanija // Vestnik TGU. 2011. Vyp. 3 (95). S. 105–109.

16. Komissarov V.N. Sovremennoe perevodovedenie. M.: JeTS, 2002.

17. Koh V.A. Predvaritel'nyj nabrosok diskursivnogo analiza semanticheskogo tipa // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. VIII. Lingvistika teksta / obshh. red. T.M. Nikolaevoj. M.: Progress, 1978. S. 149–171.

18. Murzin L.N., Shtern A.S. Tekst i ego vosprijatie. Svedlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991.

19. Odincov V.V. Stilistika teksta. M.: KomKniga, 2006.

20. Ryzhenko N.G. Slozhnost' i trudnost' struktury reshenija tekstovoj zadachi // Vestnik Omsk. gos. ped. un-ta. Vyp. 2006. URL: www.omsk.edu.

21. Savvina E.N. Glubinnaja struktura // LJeS / gl. red. V.N. Jarceva. M.: Sov. jencikl., 1990. URL: http://tapemark.narod.ru/les/110a.html.

22. Savvina E.N. Poverhnostnaja struktura // LJeS / gl. red. V.N. Jarceva. M.: Sov. jencikl., 1990. URL: http://tapemark.narod.ru/les/379b.html.

23. Sidorov E.V. Problemy rechevoj sistemnosti. M.: Nauka, 1987.

24. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. M.: Rus. jaz., 1999. T. 4.

25. Ticher S., Mejer M., Vodak R., Vetter E. Metody analiza teksta i diskursa. Har'kov: Gumanitarnyj Centr, 2009.

26. Frumkina R.M. Psiholingvistika. M.: Akademija, 2007.

27. Hazen A.M. Intellekt kak ierarhija sinteza informacii // Novosti iskusstvennogo intellekta. 1994. № 1. S. 71–98.

28. Cetlin V.S. Dostupnost' i trudnost' v obuchenii. M.: Znanie, 1984. 79 s.

29. Jeshbi U.R. Vvedenie v kibernetiku. M.: Izd-vo inostr. lit., 1959.

Complication of a text: structural and semantic aspect

There is defined the notion "complication of a text", considered the transformation of the form and contents of a text in its secondary representation in the changing conditions of communication, revealed the signs that show the complication of the text structure.

Key words: *complication of a text, surface text structure, content text structure, secondary representation, secondary categorization, secondary conceptualization.*

(Статья поступила в редакцию 04.02.2016)